

РУССКИЙ
ГУЛЛИВЕР

ПОЭТИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

ТАРИЭЛ ЦХВАРАДЗЕ

ГОРОД СВЯТОШ

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Тариэл Цхварадзе

Город святош

НП «Центр современной литературы»

2018

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Цхварадзе Т.

Город святош / Т. Цхварадзе — НП «Центр современной литературы», 2018 — (Поэтическая серия «Русского Гулливера»)

ISBN 978-5-91627-209-3

«Русский Гулливер» представляет первый сборник стихов Тариэла Цхварадзе, поэта из Грузии, пишущего на русском языке. Цхварадзе пишет стихи в традиционной манере, продолжая традиции Сергея Есенина и Владимира Высоцкого. По словам Бахыта Кенжеева это «прекрасный противовес, разгулявшемуся модернизму, постмодернизму, постпостмодернизму и т.п. Это — поэзия прямой речи». В его пронзительных текстах отразилось время, наше недавнее прошлое. Осмыслить его за короткий срок трудно, но Цхварадзе поэт вклад в это осмысление своей сделал.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-91627-209-3

© Цхварадзе Т., 2018
© НП «Центр современной литературы», 2018

Содержание

Вадим Месяц	5
ВО ВСЁМ ЕСТЬ СМЫСЛ	8
МАНДАРИНОВЫЕ МЕТКИ	8
СУМАСШЕДШИЙ ИНГУРИ	9
«А налей-ка мне, батюшка, в чашу кагора...»	10
ЛЬВОВ	11
ДОРОГАЯ МОЯ СТОЛИЦА	12
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЭКСПАТА	13
АВТОПОРТРЕТ	14
НЕТ, НЕ ТИХА УКРАИНСКАЯ НОЧЬ	15
НЕМЫТОЕ ОКНО	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Т. Цхварадзе Город святош

Вадим Месяц ИНИЦИАЦИЯ ЦХВАРАДЗЕ

Пути господни неисповедимы. Столь же неожиданной бывает дорога в литературу. Тариэл Цхварадзе начинает писать стихи в зрелом возрасте. В 53 года. До этого – трудная судьба, далекая от изящной словесности. По масштабности – античный или библейский сюжет. Сказка. Тем более человек пишет много и хорошо. Как происходят подобные инициации – вопрос к психологу или колдуну. Суть в том, что человек превращается из одного – в другого. Происходит не поступательное развитие, а квантовый переход. Так у Джима Джармуша бухгалтер Уильям Блейк в одночасье становится легендарным стрелком после потери очков и объявления его в уголовный розыск. Так у Николаса Эчевария испанский конкистадор Кабеса де Вака после кораблекрушения превращается в индейского знахаря и пересекает пешком Американский континент.

Наш внутренний потенциал остается загадкой для нас самих. В какое-то утро ты просыпаешься и видишь, что мир изменился. А, может быть, изменился не мир, а ты сам. Что в общем-то одно и то же.

Жизнь, разделённая на части,
на «до» и «после» того дня,
когда, не без Его участия,
коснулась муза и меня.
Всё то, что было «до» – прекрасно,
но «после» радует вдвойне.
Великий доктор, как лекарство,
поэзию назначил мне!

Интриги добавляет и то, что родной брат Таро, известный поэт, Виктор Цхварадзе, неожиданно уходит из жизни в 2003 году. Таро берет эстафетную палочку из его рук и продолжает движение фамилии Цхварадзе по русской литературе. Именно по русской литературе. Вопреки политическим разногласиям и антиимперскому мировоззрению.

В этой истории чувствуется дух легенды. Судьба поэта – неотделимая от творчества вещь. Иногда более важная, чем сами стихи. Каждый поэт вне зависимости от его текстов представляет собой какой-то уникальный знак, иероглиф. И если этот знак узнаваем на общем фоне – полдела уже сделано.

Тариэл Цхварадзе не занимался продуманным позиционированием и продвижением своего образа в поэтическом пространстве. Он писал и пишет стихи, как «бог на сердце положит». Друзья называют его поэзию «народной». Что они имеют в виду? На мой взгляд, речь идет о смелости и даже дерзости поэта, вызванных в первую очередь неискушенностью восприятия культуры. Он, как подросток, может запросто повторить интонации предыдущего и, казалось бы, пройденного, не пугаясь вторичности. Он способен дважды войти в одну реку, попробовать ее воду на вкус и почувствовать аромат вина. Этот «народный», наивный подход подкупает больше, чем скепсис начитанных и раздавленных культурой мэтров, которые в возрасте Цхварадзе «подводят неутешительные итоги». Он показывает, что стихи пишутся в меру собствен-

ных потребностей автора, а не для тектонических смещений в области литературы, о которых в наше «время низкого контекста» остается только мечтать. Мандельштам определил это, как «И снова скальд чужую песню сложит. И, как свою, ее произнесет».

Я прошу немного тишины,
хоть чуть-чуть обычного покоя,
если не безмолвия луны,
то хотя б затишья после боя.
Дайте мне допить остаток свой,
в чаше жизни горького вина...
Боже правый, душу успокой —
тишина нужна мне, ти-ши-на.

Ну и какая мне разница, что лет тридцать назад Вознесенский восклицал «Тишины, хочу тишины. Нервы что ли обожжены»? Да никакой. Я слышу свежий голос, основанный на личных переживаниях. А ничего другого порой и не надо. Знал ли Нико Пиросманишвили о существовании примитивизма в европейской живописи? О Гогене, Ботеро или Анри Руссо. Нет, он писал так, как считал нужным. Так, как видел красоту.

Невольные аллюзии и обращения к творчеству других поэтов в текстах есть, но их присутствие в поэтике Цхварадзе органично. Они не определяют сути жанра, обозначенного автором. Тариэл Цхварадзе выбрал в отличие от Виктора Цхварадзе традиционную манеру письма. Новаторство подчеркивает попытку выразить невыразимое, но часто приводит к ставшему уже привычным авангардистскому канону. Количество нерифмованного «белого шума» в современной поэзии зашкаливает. Консерватизм указывает на то, что поэт выбирает путь достоинства и «задрал штаны, бежать за комсомолом» не намерен.

Круг тем Тариэла Цхварадзе довольно широк. Лирика, блатная лирика, гневная публицистика, война, женщины, вино, воспоминания о счастливом и несчастливом прошлом, богоискательство и богоборчество. Вещи, для русской поэзии характерные. От есенинской «Москвы кабацкой» до изящного художественного аскетизма Арсения Тарковского.

По преимуществу Цхварадзе азартен, темпераментен. Он любит поэзию и поэтов, как художники прошлого. Он доверяет поэтическому слову. Слушает не только себя, но и прислушивается к голосам других. В мир литературы он попал недавно. Ему, как ребенку, все интересно. Все кажется настоящим. Это тоже – серьезный плюс его характера и творчества. Он видит в поэзии общее дело. Принимает неписанный устав поэтического существования человека, как нечто особенное и отличное от обыкновенного житейского. Такая позиция напоминает о том, что литература и в частности поэзия, являются необходимыми составляющими человеческого познания.

В его пронзительных текстах отразилось время, наше недавнее прошлое. Осмыслить его за короткий срок трудно, но Тариэл Цхварадзе вклад в это осмысление своей поэзией сделал. Не скрываясь в «башне из слоновой кости», а, как и подобает «народному поэту», пошел к людям с простым и внятным сообщением о своей жизни.

Когда Господь в невиданные дали
торжественно однажды призовет —
уйди спокойно, тихо, без печали
за свой последний в жизни поворот.
И там, в пространстве безупречно белом,
сияющим в лучах иных светил,
ты вдруг поймешь случайно, между делом,

что до сих пор, как будто и не жил.

Мой дедушка, Александр Трифонович, начал читать книги после пятидесяти пяти лет. До этого работал дальнбойщиком на Севере, Дальнем Востоке, Забайкалье. Прошел через все советские войны, включая Финскую кампанию, озеро Хасан и Халхин Гол. Великую Отечественную закончил в Праге. В конце 60-ых приехал из Читинской области в Томск, где начал читать внуку книжки, и радоваться вместе с ним приключениям Робинзона Крузо, Оцеолы, Всадника без головы, Незнайки и Пончика.

Один на старости лет начинает читать книги. Другой начинает их писать. В некоторой системе координат это – одно и то же.

17 января 2018, Новодарьино

ВО ВСЁМ ЕСТЬ СМЫСЛ

МАНДАРИНОВЫЕ МЕТКИ

Рассвета тонкая полоска
приподнимала небеса,
светилась в море белым воском
вдаль уходящая коса.
Всё растворялось в серой дымке
сгоревших за ночь дров в печах,
и лишь над башней – невидимкой
шпиль золотой сверкал в лучах.
Трещали и ломались ветки,
как где-то в Туле на Покров,
а мандарины, словно метки,
среди заснеженных садов.

СУМАСШЕДШИЙ ИНГУРИ

Сумасшедший Ингури нервно бился о скалы,
вырывая с корнями вековые стволы,
и белели вершины, словно зубы в оскале
из упавшей на землю неожиданной мглы.
Ну а сванские башни – крепыши-великаны,
встали цепью в ущелье и ушли в полный рост
перевалом, хватая грудью рваные раны,
не сдавая однажды ими принятый пост.
На террасе отеля где-то рядом с Ушгули
мы сидим, разливая по пиалам вино,
и отчётливо слышно, как из прошлого пули
рикошетом звенящим разбивают окно.

«А налей-ка мне, батюшка, в чашу кагора...»

А налей-ка мне, батюшка, в чашу кагора,
ты же видишь, как руки от горькой дрожат,
отдохну тут немного в прохладе собора
и продолжу свой путь, укрепившись стократ.
Не читай мне псалмы, почитай Мандельштама,
и поэзия лечит нам душу порой,
я тут слышал недавно, что их Далай-лама
с головой окунулся в наш век Золотой.
Сладок местный кагор, вроде как полегчало,
осени же крестом, мне, пожалуй, пора...
Свято-Троицкий храм, где-то рядом с Байкалом —
похмелюсь и расставлю точней вектора.

ЛЬВОВ

Время пролетит, возможно снова,
поднимусь аллеей, не спеша,
к замку нестарящего Львова,
листья по дороге вороша.
Воздух чист, и клён уже багряный
наповал сразит своей красой,
если буду, как обычно, пьяный,
скину туфли и пойду босой.
Завитушки кованых заборов,
терпкий вкус наливочки в кафе,
призраки готических соборов
объявляют аутодафе.
И теперь в своём Чорохском устье,
каждый год листок календаря
отрывая, буду Львов я с грустью
вспоминать в начале сентября.

ДОРОГАЯ МОЯ СТОЛИЦА

Надышался здесь пылью обочин.
Это было как будто вчера...
Не согрели столичные ночи —
под Москвою теплей вечера.
Вот опять под крылом мегаполис —
не понять, где начало, где край.
В белой дымке знакомый до боли —
иллюзорно-сверкающий рай.
Заплатив за метро двадцать восемь
деревянных российских рублей,
забываю холодную осень
в тепло-потном потоке людей.
По кольцу и затем радиалкой —
переход, эскалатор, сквозняк,
а по рельсам туннелей «Лубянки»
тени всех убиенных скользят.
Пиво, пиво, дешёвый джин-тоник,
банки с выпивкой в каждой руке.
Мне сдаётся, что скоро утонет
храм Блаженного в пьяной реке.
А ещё, столько не было прежде,
азиатско-прищуренных глаз,
лишь по-прежнему ухо мне режет
изобилие матерных фраз.
Я отвык от галдящей столицы,
толкотни в подземельях метро,
и уже никогда мне не слиться
с этим городом снова нутром.
Он живёт в своём бешеном ритме,
мне же нужен сегодня покой,
тут гуляют по лезвию бритвы,
ежедневно рискуя судьбой.
Отгулял я своё – будешь сниться,
повторю на прощанье слова:
«Дорогая моя столица,
златоглавая наша Москва!»

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЭКСПАТА

Закат волну, едва лизнув, утонет в море,
луна зависнет над горой в ночном дозоре.
Музон кислотный громыхнёт по плоской крыше
и станут люди во хмелю друг другу ближе.
Китаец будет всех учить лепить пельмени,
морячка рваться сесть кому-то на колени,
а отставной, чрезмерно строгий подполковник,
глаз не сводить с жены своей как будто школьник.
Прораб строитель бородач здесь на чужбине,
всё говорить и говорить об Украине,
два итальянских бескорыстных волонтёра
мутить мастирку из штакета «Беломора».
Накроет всех трава с вином после заката —
батумский вечер, день рождения экспата.

АВТОПОРТРЕТ

Душу в себе сентиментальность чувства,
как мальчик Кай грызу безвкусный лёд,
и забываю тонкости искусства —
цедить из соли первоклассный мёд.
Вот, бабочка вспорхнула и исчезла,
вот, закипел и утонул закат,
я пятой точкой, протирая кресло,
всё не настроюсь на мажорный лад.
Цветут сады, не ощущаю запах,
с трудом создав в палитре нужный цвет,
я вместо ренуаровских дам в шляпах,
с похмелья напишу автопортрет.
Где человек – тиюиндиго чёрный,
и только взгляд – белила из свинца.
Застынет пёс, опешит кот учённый,
от вида незнакомого лица.
А я, совсем дурной от самогонки,
качаясь у лампадного огня,
начну молить Петрова, (он же Водкин),
вернуть назад мне красного коня.

НЕТ, НЕ ТИХА УКРАИНСКАЯ НОЧЬ

Всё этой ночью было из стекла,
аэропорт, отель и даже лица
и чача виноградная текла
и согревала в холод, как Жар-птица.
Хотел, чтоб окна выходили в сад,
а не к перрону метрополитена,
колёсный стук, вибрировал фасад
и ослепляли лампы галогена.
Нет, не тиха украинская ночь
и Днепр не чуден при любой погоде,
джин лампы, напрягись и обесточь
метро и освещение в переходе.
Усну на час, и тут приснится сон,
как панночка стучится гробом в темя,
отель «Турист» пронзит мой дикий стон
и остановится на полседьмого время.
И подскочу, и лифтом быстро вниз
спущусь к буфету, выпить чашку кофе
и усмехнётся криво Дионис,
скрестив колени на хрустальном штофе.

НЕМЫТОЕ ОКНО

Смотрю в немытое окно
на старый двор, где в домино
играют сутки напролёт
из года в год.
Куда пригнал свой «Мерседес»
за двадцать штук дворовый Крез,
из Амстердама через Кёльн.
На белый клён
взобрались местные коты
ночной чёрнее темноты.
Соседка в тазике своё,
несёт развешивать бельё
и через весь квадратный двор
сплетут немыслимый узор —
бюстгальтера, носки, трусы,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.